

Чехов говорит по-корейски

Сергей Вахонин

Международный театральный фестиваль в Таганроге снова состоялся вопреки разговорам о его возможной кончине. Осенью 2013 года это явление культурной жизни региона возродилось в новом качестве. «Сделав акцент на произведениях русской и мировой классики, фестиваль... приобретает свой собственный стиль», — подчеркнул руководитель Таганрогского чеховского театра и инициатор фестиваля Сергей Герт.

Это прямое попадание в яблочко. Даже маститые театральные режиссеры, такие как художественный руководитель Камерного театра имени Чехова в Мадриде Анхель Гутьеррес и возглавляющая Санкт-Петербургский театр комедии Татьяна Казакова, сошлись во мнении, что в Таганроге пьесы Чехова можно играть на любом языке. Поскольку местная публика знает их почти наизусть. Это мнение подтвердилось уже на первом спектакле по чеховскому водевилю «Медведь», который представили таганрогскому зрителю испанские актеры. Надо признать, что «Медведь» на языке Сервантеса и Лорки звучит особенно ароматно, как будто в текст, и без того острый, подсыпали еще перца и подлили оливкового масла. Своеобразный вкус водевилю придали артисты Хесус Сальгадо, сыгравший грубияна-помещика Смирнова, и Герман Эстебас, изобразивший лакея Луку. Дуэт очень напомнил Дон-Кихота и Санчо Пансу, это невольно создавало у зрителей соответствующие ассоциации. И высокому, худощавому Хесусу Сальгадо пришлось приложить немало усилий, чтобы перевоплотиться в несимпатичного, по-хамски ведущего себя с женщиной отставного поручика. Ему хорошо подыграл Герман Эстебас: лакей в его исполнении получился, пожалуй, Санчо Пансой наоборот. Публика это приняла: зал дружно смеялся и аплодировал.

Об актрисе мадридского театра, удачно сыгравшей роль вдовы, следует сказать особо. Хотя бы потому, что она наша, родная – Елена Петрова из Ульяновска. Именно благодаря ей текст пьесы звучал то на русском, то на испанском языке, что придавало особый шарм всему действию. Кроме того, Елена органично воплотила в своей игре испанскую горячность и российскую томность, что прибавило чеховскому водевилю, пожалуй, немного трагизма. Неслучайно в конце спектакля таганрогская публика несколько раз вызывала Елену на поклон (впрочем, как и двух ее партнеров), и испанская актриса ульяновского происхождения, не выдержав охвативших ее эмоций, поблагодарила зал: «Вы самая лучшая публика, какую я только видела!».

Впрочем, все постановки, состоявшиеся на таганрогском театральном фестивале, отличались чем-нибудь особенным. Не самая выдающаяся пьеса Гоголя «Игроки», которую теперь часто ставят (видимо, надеясь, что авантюрный сюжет заинтересует публику), в интерпретации Санкт-Петербургского театра комедии вдруг зазвучала по-иному. В остром, ярком толковании, которое придала «Игрокам» заслуженный деятель искусств Татьяна Казакова, можно уловить тонкую насмешку над «бесом наживы», который пленил все без исключения слои современного нам общества. А исконно русская по проблематике чеховская «Чайка» в исполнении южнокорейского театра «Че» вдруг задышала таинственным ароматом тонкой восточной философии. Хотя корейские актеры сделали все возможное, чтобы адаптировать свою трактовку для российской публики: костюмы, манера игры на первый взгляд почти не отличались от русской театральной школы. Но в том и заключается мастерство, чтобы на тонком уровне, без насилия над зрителем, передать свое, национальное восприятие Чехова.

Порадовали публику театры из Омска, Саранска, Нижнего Новгорода. Заслужило зрительские симпатии товарищество актеров из израильского города Ашдод. Чехов и Гоголь в Таганроге говорили на разных языках, но в итоге и без переводчиков стало ясно: этих авторов хорошо понимают на всех континентах.